

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В ДУАЛИСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ МАНИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

*Коларов Емил Любенов,
Софийский Университет
«Св. Климент Охридский»,
Болгария, София*

E-mail: ardavarz@abv.bg

Аннотация. Статья представляет попытку восстановить некоторые из идей иранского пророка и художника Мани (III в. н.э.), связанные с взаимодействием света и материи, рассматривая манихейскую мифологию с натурфилософской и естественно-научными точками зрения. Выдвинута гипотеза о возможном эмпирическом происхождении манихейской теории элементов и цветов. Установлена троичная модель вселенной на основе дуалистической онтологии манихейства. Показана актуальность дуалистического мировоззрения и эвристическая ценность манихейской философии для преодоления монистического предрассудка в современной науке и философии.

Ключевые слова: манихейство, дуализм, натурфилософия, онтология, элементы.

Сохранено авторское видение текста.

Манихейское учение создано в III в. н.э. пророком-художником Мани (216-274 г.), потомком знатного парфянского рода. Объединяя элементы различных религиозно-философских течений, распространенных на Ближнем Востоке в ту эпоху, оно представляет собой высшую фазу развития иранского дуализма. Несмотря на то, что в течение последующих веков манихейство превращается в мировую религию, обхватившую страны Средней Азии, Северной Африки, Восточной Европы и Дальнего Востока (т.е. почти те же самые территории, которые были завоеваны позже исламом), из-за жестоких гонений, которым были подвержены, в конечном итоге оно было доведено до исчезновения и сегодня у нас есть только несколько подлинных манихейских материалов. Большинство данных, используемых современными исследователями для реконструкции манихейской доктрины, происходит из полемических трактатов противников

манихейства – христианских, неоплатонических, зороастрийских и мусульманских авторов, тогда как открытые археологами фрагменты манихейских текстов имеют в основном мифологический и религиозно-литургический характер и только косвенно относятся к его мировоззрению. Если когда-то существовали апологетические манихейские трактаты, которые бы толковали и объясняли манихейскую философию со своей точки зрения, они не сохранились. Поэтому большинство из исследований манихейства до сих пор были сосредоточены на его культовых, богословских и мифологических аспектах и не столько на его философской мысли, прямые сведения о которой очень скудные. Попытаемся показать, что некоторые натурфилософские идеи, которые могут быть извлечены из манихейского космогонического мифа, похоже имеют прото-научный характер и, возможно, эмпирическое происхождение, и что радикальная дуалистическая онтология, в рамках которой они были сформулированы, не потеряла и сейчас свою эвристическую ценность для современной науки и философии.

Пожалуй, одна из наиболее характерных особенностей древне-иранской культуры – это чрезвычайно дуалистический характер ее мировоззрения. Его самое древнее проявление можно найти в учении пророка Заратуштры (Зороастра), которое лежит в основе зороастрийской религии и отражено в его гимнах (авест. „*Гаты*”) II тысячелетия до н.э. Однако в отличие от этического дуализма зороастризма, в манихействе дуализм приобретает онтологический и метафизический характер. Манихейский дуализм радикальный – он постулирует две независимо существующие и антагонистические „*природы*” (сир. *kyānīn*, араб. *kawnān* – букв. „*бытия*”) или „*основы*” бытия (ср. перс. *bun* – „*основа*”): „*свет*” и „*тьма*” [3, ii; 4]. Следует отметить, что несмотря на то, что „*тьма*” интерпретируется как „*материя*” (*hūlē* от греч. ὕλη), а „*свет*” обычно ассоциируется с духом [ibid.; 9, с. 100], в этом случае речь не идет о привычном противопоставлении видимого и невидимого, встречающееся в большинстве дуалистических учений (дихотомии типа тело/душа, материя/сознание, материальное/идеальное и т.п.), а о двух природах, одинаково трансцендентных по отношению к видимому миру. По учению Мани наблюдаемый мир явлений („*видимое*”) – это результат „*смешивания*” (ср. перс. *gumežīšn*) двух природ, двух независимых „*основ бытия*” – и таким образом, это не „*мир*” сам по себе, а как бы предел или зона контакта двух различных и независимо существующих миров. В этом случае вещи в нем следует рассматривать не как самостоятельно существующие субстанции (объекты), и даже не как проявления (феномены) *одной* трансцендентной сущности (ноумен, идея, форма и пр.), а как гетерогенные смеси – события, возникающие от столкновения *двух* антагонистических субстанций и их элементов.

Действительно, в соответствии с манихейского космогонического мифа эти два мира и их субстанции – *al-kawn al-nayyer* (араб. „бытие света”) и *al-kawn al-mozlam* (араб. „бытие тьмы”) по словам Ибн ан-Надима [3, ii] – составлены каждый из 5 элементов, имена которых представлены в следующей табл.1.

Таблица 1

Манихейские элементы [по 3, ii; 9, с. 102]

<i>Светлые элементы:</i>	<i>Темные элементы:</i>
1. „Ефир” (букв. „бриз”: араб. <i>nasīm</i> ; или „дух”: ср.перс. <i>frāwahr</i>).	1. „Дым” (или „мгла”, араб. <i>ḡabāb</i>).
2. „Воздух” (букв. „ветер”: ср.перс. <i>wād</i> , араб. <i>rīḥā</i>).	2. „Самум” (араб. <i>samūm</i>).
3. „Свет” (ср.перс. <i>rōšn</i> , араб. <i>nūr</i>).	3. „Тьма” (араб. <i>ḡolma</i>).
4. „Вода” (ср.перс. <i>āb</i> , араб. <i>mā</i>).	4. „Яд” (араб. <i>samm</i>).
5. „Огонь” (ср.перс. <i>ādur</i> , араб. <i>nār</i>).	5. „Пожар” (араб. <i>ḡarīq</i>).

Использование различных терминов для антагонистических элементов вместо одного общего термина с противоположными определениями дополнительно подчеркивает фундаментальный дуализм манихейской онтологии. То есть – это не противоположные проявления или атрибуты одной субстанции, а две независимые субстанции (например: не „светлый”/добрый и „темный”/разрушительный огонь, а „огонь” и „пожар”; не „добрая” и „плохая” вода, а „вода” и „яд” и т.д.). Можно заметить, что названия темных элементов обозначают разрушительные или негативные качества. Это говорит о том, что у „тьмы” существенно ущербный характер, проявляющийся в ее тенденции привлекать и поглощать частицы „света”, что является сутью манихейской космогонии и эсхатологии. Этот негативный (ущербный) характер „темной природы”, которая персонифицирована в мифе в лице главного демона „Материя” (*Hylē*), представлен мифологически, как его „супруга” – женский демон „Похоть” или „Жадность” (ср.перс. *Āz* от глагольного корня *āz-* – “стремиться к, желать”) [9, с.100; 5, р. 115-116, 170]. С другой стороны, светлые элементы представляют „обитали” (сир. *skinatha*) верховного бога – „Отца Величия” [9, с. 93; 3, ii], названного именем древне-иранского божества „беспредельного времени” (т.е. вечности) Зурван (*Zurwān*) [3, ii; 5, р. 60]. Через

них проявляются также пять „сыновей” Первочеловека – эманация божества, поглощенная материей и темными элементами, – так называемые „пять богов блеска” (сир. *ḥamšā elāhē zīwānē*) или „пять света” (ср.перс. **panj rošn**) [3, ii; 4]. По данным в сочинениях сирийского гностика Бардесана и бывшего манихея Августина Блаженного, эти „пять света” проявляются с разными цветами и на основе этих данных французский исследователь Мишель Тардые сумел реконструировать их соответствия следующим образом: „*эффура*” („духу”) соответствует золотой (желтый) цвет, „воздуху” („ветру”) – синий, „свету” – белый, „воде” – зеленый и „огню” – красный [9, с. 108-109]. Использование подобной системы корреляции цветов с разными категориями (элементы, душевные силы и пр.) манихейской натурфилософии неудивительно, учитывая, что Мани был известен как художник, и поэтому он должен был иметь непосредственный опыт работы с цветами и их взаимодействия, а также смешивания. Можно заметить, что цвета „*эффура*” и „воздуха” (желтый и синий), также как и „огня” и „воды” (красный и зеленый) – комплементарные, т.е. они взаимно дополняются на фоне белого цвета „света”. Более интересно задать себе вопрос была ли его космологическая модель вдохновлена именно этим опытом и, возможно, некоторые эксперименты со светом в его взаимодействии с веществом полупрозрачной среды, подобные тем, которые проводил в XIX веке Гете. Действительно, существует определенное формально-типологическое сходство между манихейской космогонии и учение Гете о цветах. Так, по мнению Гете, цвета – это граничные явления, возникающие в тени между светом и тьмой или при прохождении света через полупрозрачную среду [2, р. 88]. Аналогично, в соответствии с учением Мани весь „смешанный” мир наблюдаемых феноменов является результатом взаимодействия света и тьмы. Гете считает, что первичные цвета – это желтый и синий („белый, который становится затемненным или тусклым” и „черный, который становится светлее” [2, XXXVII, 502, р. 206]) – которые согласно Мани соответствуют двум первым элементам – „*эффура*” и „воздуха”. Остальные цвета получаются в дальнейших взаимодействиях световых лучей, заканчивая эволюцию спектра пурпурным цветом [2, р. 136, fig. 1, 2], который можно сопоставить с шестым „сыном Первочеловека” в манихейском мифе – шестой элемент, называемый „Вдохновение (*Enthymesis*) Жизни” (ср.перс. *handēšišn-ī zīndag*), который не участвует в космогонии, а выполняет эсхатологическую функцию, будучи сочетанием „призыва” (сир. *qāryā*, ср.перс. *xwandag*) и „ответа” (сир. *‘anyā*, ср.перс. *azdegar*) [4; 9, с.94-95] – мифологические персонификации взаимодействий световых богов, поглощенные в материи, и тех, кто остался в чистом мире духа. С этой точки зрения манихейский миф о восхождении Первочеловека (света) и его „сыновей-сияний” (цветов) в мире материи

оказывается похожий на возникновение светового спектра от взаимодействия светового луча с полупрозрачной средой. Так можно высказать гипотезу, что манихейская теория световых элементов (цвета) была вдохновлена наблюдением этого явления.

Манихейская натурфилософия различает два состояния света: чистый (несмешанный) свет, существующий в духовном мире, и свет в „смешанном” мире, который взаимодействует с материей, будучи поглощаемый и излучаемый. Эта идея, как показывает французский исследователь Анри Корбэн, была унаследована в мистике иранского суфизма, где чистый „свет без материи (не тот, что становится зримым после того, как полностью испускается ранее поглотившей его материей)” рассматривается как „черный свет” (н.перс. *nūr-e siyāh*), или свет божественной Самости (н.перс. *nūr-e zāt* – „сущностный свет”), чья метафорическая „чернота” отличается от черноты материи, поглощающая свет – „это чернота стратосферы, межзвездного пространства, черное небо” [8, с. 135-136], т.е. свет в вакууме. Манихейское влияние можно обнаружить также и в космогонии исмаилитского шиизма (которое в свою очередь повлияло на взгляды Авиценны), где последовательное возникновение низших миров („небес”), которые расположены между духовным и материальным мирами, объясняется как „падение” „третьего Интеллекта” (духовного небесного Адама) – его „опоздание” (араб. *taxalluf*) от самого себя: „Время, т.о., является в каком-то смысле опозданием, «опоздавшей вечностью». (...) Это «опоздание» привело в световой мир чуждое ему качество «помраченность»” [7, с.45]. Здесь очевидна аналогия с Первочеловеком из манихейского мифа как „свет”, замедляющийся при вхождении в „темноту” (материи) и порождающий „сыновей сияния”, соответствующие элементам с движением, которое прогрессивно замедляется (эфир-воздух-огонь-вода). Манихейский Первочеловек (аналог „светового человека” суфизма и „третьего Интеллекта” исмаилитов) тоже является эманацией верховного божества Зурвана, олицетворяющее вечность (или „беспредельное время” в иранской мифологии).

Действительно, в соответствии с современными научными представлениями свет в вакууме распространяется с предельной скоростью, соответствующей постоянной c , которая задает фундаментальную пропорцию пространства и времени. В плотной среде скорость распространения электромагнитной волны света меньше и именно разница фазовой скорости световых волн с разными частотами (то есть соответствующие разным цветам) обуславливает их дисперсию в среде, объясняя, таким образом, возникновение светового спектра. С другой стороны, по понятиям релятивистской механики этим различным скоростям будут соответствовать разные времена, чьи интервалы

будут обратно пропорциональны величине, так называемого гамма-фактора Лоренца: $\gamma = \frac{1}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$. Таким образом, когда скорость – предельная ($v = c$) интервал оказывается равен нулю (т.е. время как будто „останавливается”). С противоположной точки зрения это означает, что с замедлением света в плотной среде возникают все большие интервалы времени по сравнению с безвременьем абсолютного (инвариантного) движения света в вакууме. Так можно высказать предположения, что именно это возникновение временных интервалов, как результат замедления света в материальной среде обуславливает психологические явления сознания, которое является по существу темпоральным феноменом, тесно связанной с субстратом электромагнитных полей, генерируемых в нервной ткани головного мозга. Аналогично этому в манихейских доктринах считается, что в „частицах света”, поглощенных в теле (мы бы сказали – это кванты, фотоны), пять элементов-„сияния” проявляются как пять когнитивных способностей души („живая самость” – ср.перс. *grīw zīndag* – составлена из поглощенных частиц света): разум, ум, память, мысль и рассудок (приблизительный перевод терминов – названия, используемые в разных языках манихейских фрагментов расходятся по смыслу и их рассмотрение и сопоставление с подобными существующими моделями в иранском суфизме, тантрическом буддизме и китайском даосизме заслуживают особого исследования, которое выходит за рамки настоящей темы) [3, ii].

Видно, что манихейские идеи не только повлияли на развитие более поздней философской мысли региона, но и не потеряли свою ценность и сегодня, в то время, как они могут быть интерпретированы и согласованы с современными научными теориями. Манихейский дуализм, который критиковали представители монотеистических религий, что его название со временем почти превратилось в обидный эпитет, который мог бы оказаться освежающей альтернативой прочно установившегося в современной науке философского монизма. Онто-космологическая модель, предложенная Мани, на самом деле, является тернарной, а не бинарной – в ней бытие вселенной состоит из трех сфер: „свет”, „тьма” и „смешанный мир”, которые вполне могут найти своих аналогов в теориях современной физики и космологии. Так чистый „свет” будет соответствовать свету в вакууме, который состоит из фотонов с нулевой массой покоя, в их абсолютном (инвариантном) движении, которое является как бы вневременным и внепространственным из-за релятивистского сокращения интервалов. „Тьма” могла бы сопоставиться с так называемой „темной материей” – это гипотетическая массивная субстанция, которая проявляется только своими гравитационными взаимодействиями (здесь гравитация соответствует метафорически манихейской демонице *Āz/ „Похоть”*)

и которая составляет по оценкам космологов около 95.1% вселенной, будучи, таким образом, материя *par excellence*. Тогда как „смешанный мир” – это обычное наблюдаемое вещество, которое составляет звезды, планеты и галактики. Давно замеченное сходство законов электромагнетизма и гравитации, которое так и не привело к их теоретическому объединению, несмотря на усилия многих поколений ученых, может показывать, что эти силы не являются, как обычно считалось, разными проявлениями мифического „единого поля” (вероятно, это такой же мираж в науке, как и „философский камень” средневековых алхимиков или „топлород” физики XIX века), а различные – зеркально симметричные, но противоположные проявления двух различных и независимых субстанций.

Другая дуалистическая модель, поразительно похожая на манихейскую космологию, была предложена в 80-тых годах прошлого века советскими физиками Ю.А.Бауровым, Ю.Н.Бабаевым и В.К.Аблековым. В соответствии с их гипотезой существуют два различных стабильных вакуумных состояния материи А и В, характеризующиеся с различными значениями фундаментальных констант c и e (скорость света в вакууме и элементарный электрический заряд). При столкновении этих вакуумных „миров” осуществляется своеобразный „электро-разделительный процесс”, который порождает элементарные заряды такие, которые мы знаем в природе. По этому поводу стоит процитировать комментарий данной гипотезы к.ф.н. И. Кольченко: *„На смену монистической и линейно-иерархической концепции мира элементарных частиц Бауровым, Бабаевым и Аблековым выдвинута идея плюралистического мира (...) Новое понимание природы элементарных частиц как «результата» взаимодействий двух вакуумных миров позволило пересмотреть традиционное представление о природе констант взаимодействия элементарных частиц, которые, как и скорость света, до сих пор принимались как некие абсолютные ограничения, неизвестно кем и почему предписанные природе”* [6, с.42-43].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что манихейский дуализм – это не просто исторический пережиток древней философии, а адекватный способ мышления, который еще может обеспечить концептуальные рамки для осмысления мира и фундаментальных научных проблем, а может даже подсказать их решения. Преодоление монистического предрассудка, установившегося в философии под влиянием монотеистических религий, может изменить мировоззрение современного человека, придавая ему ценностную ориентацию, которую он, потерял в течение последних веков. Во всяком случае, эвристическая ценность идей дуалистического учения Мани, которые до сих пор редко рассматривались с точки зрения натурфилософии, несомненна.

Литература:

1. Asmussen, J. P., „ĀZ, Iranian demon known from Zoroastrian, Zurvanite, and, especially, Manichean sources”, in Encyclopædia Iranica, Vol. III, Fasc. 2, pp. 168-169.
2. „Goethe’s Theory of Colours”: translated from the German with notes by Charles Lock Eastlake, London, 1849.
3. Shaki, M., “ELEMENTS ii. IN MANICHAEISM”, Encyclopædia Iranica, Vol. VIII, Fasc. 4, pp. 357-360.
4. Sundermann, W., “COSMOGONY AND COSMOLOGY iii. In Manicheism”, Encyclopædia Iranica, Vol. VI, Fasc. 3, pp. 310-315.
5. Zaehner, R.C., Zurvan – A Zoroastrian Dilemma, Oxford, 1955.
6. Кольченко, И., „На подступах к общей теории мира” // сп. „Техника молодежи”, 1983, № 11, с. 40-43.
7. Корбэн, А., „История исламской философии”, пер. с франц. и примечания А. Кузнецова, Москва, 2010.
8. Корбэн, А., „Световой человек в иранском суфизме”, пер. с франц. Ю. Стефанова, Москва, 2009.
9. Тардио, М., „Манихейството”, и.к. „Одри”, Враца, 2001, Превод от френски език: Марио Йовчев // Michel Tardieu, Le Manichéisme, Collection Que sais-je?, 1940; 2nd ed., Presses Universitaires de France, Paris, 1997.